

Observatoire ARGA

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД

**D-18. Ложноположительные срабатывания
при автоматизированном санкционном и AML-скрининге**

Европейский союз и Великобритания

Автор:

Сергей Храбрых - президент ARGA, PhD

Организация: Observatoire ARGA

Адрес для корреспонденции: 21 rue de l'Aviation, 64600 Anglet, France

Контакты: info@argaobservatory.org, +33 7 58 49 62 27

Сайт: www.argaobservatory.org

24 сентября 2026 года

Содержание

1. Основные выводы	3
2. Исследовательский вопрос и пределы доказательной базы	4
3. Что именно считается ложноположительным результатом	5
4. Правовая архитектура санкционного и AML-контроля	6
5. Совпадения имён, транслитерация и идентификация	7
6. Устаревшие списки и ошибки правового статуса	8
7. Ошибки контекста в платёжных сообщениях	9
8. AML-сигналы, негативные публикации и уголовные сведения	10
9. Почему доля закрытых сигналов не измеряет качество системы	11
10. Калибровка, тестирование и пределы автоматизации	12
11. Мгновенные переводы в ЕС: специальная модель проверки	13
12. Последствия ошибки: от задержки до устойчивого исключения	14
13. Решение по ING: пропорциональность и косвенная дискриминация	15
14. Bank of Scotland: контраргумент против чрезмерного ослабления проверки	16
15. Коммерческая база и банк: распределение ролей	17
16. Точность, минимизация и правомерное основание обработки	18
17. Исправление, удаление и ограничение обработки	19
18. Распространение исправления и остаточные записи	20
19. Объяснение автоматизированного решения и человеческий пересмотр	21
20. Конфиденциальность, AML и пределы раскрытия	22
21. Потенциальная ответственность поставщика информации	23
22. Положение клиента и разграничение способов защиты	24
23. Контраргументы и альтернативные объяснения	25
24. Итоговая оценка	26
25. Источники	27

Срез источников: 24 сентября 2026 года. Ключевые слова: санкционный скрининг; AML; false positives; точность данных; GDPR; исправление; ответственность.

1. Основные выводы

Ложноположительное срабатывание при автоматизированной проверке возникает, когда система выделяет лицо, организацию или операцию как потенциально соответствующие критерию риска, но последующая проверка не подтверждает соответствующую связь. Для санкционного скрининга типичный пример - совпадение имени клиента с именем другого человека, включённого в применимый список. Однако юридическая проблема шире технического совпадения: верно установленная личность может получить ошибочный санкционный статус, а корректный предварительный сигнал может превратиться в необоснованное длительное ограничение. Поэтому качество системы нельзя оценивать только по числу совпадений или скорости их закрытия.

Главный вывод доклада состоит в том, что предварительный сигнал, установленный факт и правовое последствие образуют три самостоятельных уровня. Совпадение требует проверки; идентификация лица требует определения применимого режима; ограничение услуги требует собственного основания. Руководство OFSI прямо различает совпадение имени и совпадение с санкционным субъектом. Европейские руководства ЕВА предусматривают анализ сигналов и использование дополнительных идентификационных данных. Ни один из этих подходов не превращает результат поиска по строке в окончательное юридическое решение. [1, раздел 4.2 EBA/GL/2024/15; 2, раздел 2.2]

Исправление ошибки также имеет несколько уровней. Недостоверная запись в коммерческой базе, ошибочная связь между записью и клиентом, неправильная квалификация конкретного запрета и сохранённое банком ограничение требуют разных действий. Обновление исходной базы не доказывает, что получатели исправили свои копии или пересмотрели решения. В ЕС статьи 16, 18 и 19 GDPR связывают исправление, временное ограничение обработки и уведомление получателей; при этом право на удаление не отменяет законные обязанности хранения документов. [7]

Потенциальная ответственность поставщика screening information зависит от его фактической роли, применимого права и связи между нарушением и последствиями. Поставщик собственной информационной базы может выступать самостоятельным контролёром персональных данных; технический исполнитель поручения - обработчиком. Банк сохраняет собственные обязанности по использованию информации и санкционному контролю. Наличие внешней базы не переносит всю ответственность на её разработчика, а участие банка не освобождает поставщика от его собственных обязанностей. [1, пункты 26-30; 7, статьи 4, 24, 28, 82]

Снижение числа ложных сигналов не может достигаться простым отключением чувствительных проверок. Такая мера способна увеличить число пропущенных совпадений. Устойчивый результат предполагает более точную идентификацию, актуальные списки, контекст операции и содержательный пересмотр спорных решений. Открытые материалы

позволяют установить эти правовые и организационные зависимости, но не дают основания назвать единый процент ошибочных блокировок для всего рынка или определить частоту нарушений каждого поставщика.

2. Исследовательский вопрос и пределы доказательной базы

Исследование отвечает на вопрос: при каких условиях автоматизированный санкционный или AML-сигнал становится неправомерным информационным либо операционным ограничением и как распределяются обязанности по его исправлению? В центре анализа находятся финансовые организации, поставщики платёжных услуг и коммерческие информационные системы. Основная правовая рамка - Европейский союз и Великобритания. Отдельный нидерландский материал используется как национальная иллюстрация применения законодательства о равном обращении, а не как универсальное правило для европейских банков.

Нормативный и информационный срез установлен на 24 сентября 2026 года. В основу положены тексты нормативных актов, руководства финансовых регуляторов, опубликованное решение о санкционном штрафе, судебные решения по защите данных и заключение национального органа по равенству. Различаются обязательная норма, надзорное ожидание, установленное в конкретном производстве обстоятельство и авторский аналитический вывод. Особенно существенно это для руководств ЕВА: их нельзя описывать как самостоятельный регламент, устанавливающий все запреты, которые финансовая организация обязана применять.

Доклад не основан на доступе к внутренним журналам банков, исходному коду коммерческих продуктов, закрытым обращениям клиентов или договорам поставщиков. Поэтому он не устанавливает сравнительное качество конкретных информационных брендов. Отсутствие опубликованной статистики не означает отсутствия внутреннего контроля. Равным образом наличие у организации процедуры рассмотрения сигналов не доказывает, что конкретный клиент получил своевременный и содержательный пересмотр.

Выборка правоприменительных материалов целевая: отобраны источники, раскрывающие разные механизмы ошибки и контроля. Такая выборка подходит для установления юридически значимых различий, но не для статистической экстраполяции. Решение о пропущенном санкционном лице демонстрирует пределы чрезмерного снижения чувствительности; оно не доказывает распространённость ложноположительных сигналов. Заключение по одной жалобе показывает применимость анализа пропорциональности, но само по себе не характеризует все продукты соответствующего банка.

Рассматриваемые ниже числовые и ситуационные примеры являются условными аналитическими моделями. Они не представляют статистику ARGА, результаты испытаний конкретной системы или сведения о клиентских делах. Последствия для доступа к услугам анализируются отдельно от основания взыскания убытков: ущерб, нарушение и причинная

связь требуют самостоятельного установления. Такое разграничение позволяет обсуждать серьёзность проблемы, не подменяя исследование заранее заданным выводом об ответственности.

3. Что именно считается ложноположительным результатом

Термин false positive имеет смысл только относительно проверяемого утверждения. Если система ищет похожие имена, обнаруженное сходство может быть технически правильным. Если тот же результат представлен как подтверждение санкционного статуса клиента, вывод может оказаться ложным. При оценке качества необходимо установить, что именно обещает инструмент: сформировать круг кандидатов для проверки, определить тождество лица, выявить конкретный запрет или оценить вероятность подозрительного поведения. Разные задачи предполагают разные критерии правильности.

Первый тип ошибки - идентификационный: запись о другом человеке приписана клиенту. Второй - временной: историческое включение в список отображается как действующее. Третий - юрисдикционный: ограничение одного государства представлено как запрет другого. Четвёртый - квалификационный: статус PER, участие в судебном деле или упоминание в СМИ преобразованы в утверждение о санкциях. Пятый - операционный: предварительный сигнал уже опровергнут, но ограничение сохраняется. Эта типология является аналитической, а не официальной классификацией какого-либо регулятора.

Неопределённый результат не следует автоматически включать в число ложноположительных. Если дополнительных сведений недостаточно для вывода, корректная категория - неразрешённое совпадение. EBA/GL/2024/15 отдельно рассматривает ситуацию, когда после дополнительной проверки нельзя однозначно установить характер совпадения. Руководство предусматривает внутренний порядок действий и воздержание от предоставления финансовых услуг соответствующей стороне перевода до принятия обоснованного решения. Это существенный предел тезиса о немедленном снятии любого неподтверждённого сигнала. [1, пункт 35]

Для AML-мониторинга понятие ошибки ещё сложнее. Необычная операция может правомерно вызвать проверку и при этом не привести к установлению преступления. Отсутствие уголовного дела, обвинения или приговора не доказывает, что первоначальный сигнал был необоснованным. Обязанности по анализу операций и сообщениям о подозрениях действуют на иных основаниях, чем уголовная ответственность. Но это различие не разрешает сохранять в клиентском профиле утверждение о доказанном преступлении, если имелся лишь предварительный индикатор. [12, пункт 11; 15, статьи 13 и 33]

Следовательно, оценка должна учитывать момент времени и уровень решения. Сигнал мог быть оправдан в момент поступления неполных данных, но утратить основание после получения паспорта или исправления списка. Обратная ситуация также возможна: первоначально исключённое совпадение становится значимым после новой санкционной

меры. Правильность решения представляет собой связь между доступными сведениями, применимой нормой и конкретным действием, а не постоянное свойство фамилии или клиентского профиля.

4. Правовая архитектура санкционного и AML-контроля

Санкционный контроль начинается с определения применимого запрета. Перечень имён является инструментом его реализации, но не заменяет нормативный акт. Режимы различаются по территории действия, кругу обязанных лиц, видам активов, запрещённым услугам, исключениям и разрешениям. Отсутствие клиента в именном списке не исключает ограничений, связанных с владением, контролем, получателем средств или характером операции. Соответственно, опровержение совпадения по имени закрывает конкретный вопрос идентификации, а не все возможные санкционные вопросы. [2, разделы 1-3]

В ЕС общая система управления соответствующими рисками раскрывается в ЕВА/GL/2024/14, а более конкретные положения для поставщиков платёжных услуг и услуг с криптоактивами - в ЕВА/GL/2024/15. Оба документа датированы 14 ноября 2024 года и применяются с 30 декабря 2025 года. Их адресаты и сфера действия различаются; подробные требования второго документа нельзя без объяснения приписывать любому участнику хозяйственного оборота. Документы задают надзорную рамку организации исполнения ограничительных мер, а содержание запрета определяется применимым правом. [1]

Британское руководство OFSI проводит различие между name match и target match и предлагает сопоставлять дополнительные признаки. Если организация удовлетворена тем, что перед ней другое лицо, дальнейшие действия по этому совпадению не требуются. При сохраняющейся неопределённости возможно обращение за содействием к OFSI. Это не означает, что орган выдаёт обязательное предварительное разрешение по каждому автоматическому сигналу или принимает вместо банка все решения об обслуживании. [2, раздел 2.2]

AML-проверка имеет другую логику. В Великобритании regulation 28 MLR 2017 предусматривает идентификацию клиента и бенефициара, понимание деловых отношений, текущий анализ операций и обновление сведений. Объём проверки соотносится с риском. В ЕС аналогичные базовые обязанности закреплены в Директиве 2015/849 и реализуются через национальное право. Эти обязанности не сводятся к поиску по санкционным спискам. Совпадение с коммерческим профилем может стать одним из источников информации, но не заменяет анализ отношений и операции. [12; 15, статья 13]

Различие правовых режимов влияет на доказательства. Для санкционного ограничения центральны тождество субъекта, действующий запрет и связь операции с ним. Для AML-проверки - сведения о клиенте, экономический смысл, характер движения средств и основания подозрения. Для прекращения договора дополнительно важны правила соответствующего продукта и применимое договорное право. Обозначение всех этих

решений единым словом compliance скрывает разные полномочия и затрудняет проверку того, какое именно основание нуждается в исправлении.

5. Совпадения имён, транслитерация и идентификация

Имя является важным, но не уникальным идентификатором. Распространённая фамилия, отсутствие отчества, изменение порядка частей имени или сокращение до инициалов увеличивают круг возможных совпадений. Транслитерация добавляет ещё один уровень неоднозначности: разные системы записи могут передавать один и тот же звук различными буквами. При этом два близких написания могут обозначать как одного человека, так и разных людей. Техническое сходство строки поэтому не измеряет само по себе юридическую вероятность тождества.

Нечёткое сопоставление, или *fuzzy matching*, используется именно для обнаружения вариантов написания. ЕВА/GL/2024/15 предусматривает настройку таких методов и проверку чувствительности. Система, реагирующая лишь на полное буквальное совпадение, способна пропустить известный вариант имени; чрезмерно широкая система создаёт поток малозначимых кандидатов. Между этими крайностями находится не единый правильный процент сходства, а обоснованная настройка для конкретных данных и применимых ограничений. [1, пункты 24-25]

Дата рождения, место рождения, документы, гражданство и известные адреса способны уменьшить неопределённость, но имеют неодинаковую доказательную силу. Совпадающий номер документа при проверенной подлинности отличается от совпадения страны проживания. Изменившийся адрес обычно не исключает тождества. Несовместимые биографические характеристики могут быть сильным опровержением, однако значение расхождения зависит и от полноты официальной записи. Нельзя считать пустое поле доказательством совпадения, а всякое заполненное поле - безусловно достоверным.

Для организаций к наименованию добавляются регистрационный номер, юрисдикция регистрации, прежние названия, правопреемство и структура владения. Совпадающее торговое обозначение не означает тождества юридических лиц. Вместе с тем смена названия не обязательно создаёт нового субъекта. Отдельная ошибка возникает, когда сведения о директоре, акционере или дочерней организации переносятся на компанию без обозначения характера связи. Такая запись может быть текстуально основана на реальном источнике, но неверно описывать объект проверки.

Аналитически полезно различать данные, которые создают кандидата для проверки, и данные, которые разрешают совпадение. Первая группа допускает большую чувствительность. Вторая должна позволять объяснить, почему выбран именно этот субъект и почему отвергнуты альтернативы. Если система сохраняет только итоговый балл без исходной записи и использованных идентификаторов, повторная проверка становится

зависимой от недоступного контекста. В споре это затрудняет как защиту клиента, так и подтверждение добросовестного решения организации.

6. Устаревшие списки и ошибки правового статуса

Санкционная информация изменяется во времени. Включение, исправление идентификатора, изменение объёма меры и исключение из списка представляют разные события. Коммерческая база может корректно сохранять историческое включение, но обязана отличать его от действующего статуса там, где применяются требования точности персональных данных. Если пользователь видит только красный индикатор, смысл которого не раскрыт, даже достоверная история способна вызвать неправильное решение о настоящем. [7, статья 5(1)(d)]

В Великобритании с 28 января 2026 года UK Sanctions List стал единственным источником всех британских санкционных обозначений; прежний OFSI Consolidated List перестал обновляться. Для исследования на сентябрь 2026 года это не техническая мелочь: работоспособный доступ к старому списку ещё не означает получение актуальных данных. Перенос системы на новый источник требует сохранения идентичности записей и корректной обработки изменения статуса. Сам факт миграции, однако, не доказывает, что конкретная организация допустила ошибку. [11]

В европейском руководстве управление списками охватывает новые меры, изменения и отмену. Для PSP и CASP обновление внутреннего набора данных связано с вступлением соответствующего изменения в силу. Поэтому качество потока нельзя оценивать только по скорости добавления новых субъектов: запоздавшая обработка отмены или уточнения идентификатора также меняет результат проверки. Одинаково значимы полнота охвата и корректность временного состояния записи. [1, пункт 9]

Юрисдикционные ошибки возможны даже при актуальной базе. Исключение из списка ЕС не означает исключения из британского списка, а наличие ограничений США не устанавливает автоматически обязанность любого европейского оператора заморозить активы по праву ЕС. Конкретная операция может иметь несколько правовых связей, поэтому анализ не сводится к выбору одного списка. Однако каждая связь должна быть названа: применимая обязанность, ограничение со стороны посредника и собственное коммерческое решение организации имеют разный юридический характер.

Исторический статус требует аккуратной формулировки. Утверждения «включён», «был включён», «исключён из конкретного режима» и «санкции отменены полностью» не взаимозаменяемы. Последняя формулировка особенно рискованна, если проверен лишь один акт. Исправление записи должно сохранять необходимые различия между прошлым событием и текущим правовым положением. Это позволяет избежать двух противоположных ошибок: бессрочного продолжения отменённой меры и преждевременного снятия ограничения, которое сохраняется по другому основанию.

7. Ошибки контекста в платёжных сообщениях

Скрининг операции работает не только с именами отправителя и получателя. Дополнительные поля могут содержать назначение платежа, сведения о посреднике, товаре, судне или конечном пользователе. Эти данные помогают обнаружить ограничения, которые не видны из клиентского профиля. Но свободный текст одновременно создаёт неоднозначность: имя в назначении может обозначать участника сделки, автора произведения, родственника, название проекта или другое обстоятельство, не связанное с предоставлением средств санкционному лицу.

Поэтому обнаруженная строка должна быть соотнесена с её ролью в операции. Вопрос состоит не только в том, кому принадлежит имя, но и в том, почему оно присутствует в сообщении. Если перевод осуществляется между собственными счетами клиента, это значимый контекст, хотя само по себе не исключает обход санкций или последующее предоставление средств другому лицу. Анализ, игнорирующий назначение и направление движения средств, теряет различие между упоминанием субъекта и его участием в экономическом результате.

EBA/GL/2024/15 предусматривает проверку сведений об участниках переводов и, с учётом предусмотренных условий, свободных текстовых полей. Отдельно учитываются посредники и доступные адреса криптокошельков. Документ не сводит скрининг к механическому сравнению одной строки. При использовании автоматического распознавания документов также имеет значение точность извлечения сведений: ошибочно распознанный символ может создать или скрыть совпадение ещё до применения алгоритма сопоставления. [1, пункты 19-23 и 43]

Техническая передача сообщения способна изменить содержание: поле сокращается, составное имя разделяется, символы нормализуются, сведения распределяются между структурированной и свободной частью. Это аналитически отличная от качества исходного справочника проблема. Поставщик может передать правильную запись, а банк - сопоставить её с неверно преобразованным сообщением. Обратная ситуация также возможна. Для установления причины нужен след преобразований, а не только снимок итогового экрана.

Отдельное затруднение возникает, если банк запрашивает данные третьего лица, упомянутого в платеже. Клиент может не располагать его паспортом или полной биографией. Невозможность предоставить недоступные сведения не равнозначна намерению скрыть санкционную связь, но и не устраняет обязанность организации разрешить существенную неопределённость. Правовая оценка зависит от релевантности запроса, доступных альтернатив и того, какие основания сохраняются после объяснения экономического смысла операции.

8. AML-сигналы, негативные публикации и уголовные сведения

Автоматизированный AML-контроль включает как сопоставление имён с внешними массивами, так и выявление необычных операций. Эти процессы нельзя оценивать одним тестом. Ошибка в принадлежности газетной публикации конкретному человеку отличается от ситуации, когда реальная операция имеет необычный объём или структуру. Во втором случае вопрос касается обоснованности риска и глубины проверки, а не обязательно точности персональных данных. Риск-оценка может быть спорной, даже если все фактические исходные поля верны.

Коммерческий профиль часто объединяет неоднородные сведения: публичную функцию, санкционный статус, судебное производство, журналистское расследование и связи с другими лицами. Без указания источника, даты и процессуального положения такая агрегация создаёт ложное впечатление единого подтверждённого факта. Участник гражданского спора, свидетель, подозреваемый и осуждённый находятся в разных правовых положениях. Презумпция невиновности не запрещает финансовую проверку, но не позволяет описывать обвинение как установленную виновность.

В ЕС данные об уголовных осуждениях и правонарушениях подпадают под специальный режим статьи 10 GDPR. Помимо основания по статье 6 необходимы предусмотренные статьёй 10 условия обработки. Общедоступность публикации не снимает этот вопрос. Вместе с тем не всякая санкционная запись автоматически является сведением об уголовном преступлении: правовая квалификация зависит от содержания записи, а не от того, в какой коммерческий раздел она помещена. [7, статьи 6 и 10]

Отсутствие сообщения о подозрительной операции не доказывает чистоту всех обстоятельств, а наличие сообщения не доказывает преступление. Финансовая организация действует в рамках превентивных обязанностей, отличных от полномочий суда. Аналитически ошибочно считать долю сообщений, не завершившихся приговором, готовым показателем false positives. Между сообщением и судебным исходом находятся расследование, иные доказательства, компетенция органов и временной лаг, о которых банк или исследователь может не знать. [12; 15, статья 33]

Исправлению подлежат прежде всего проверяемые фактические ошибки: чужая биография, неверная дата, отменённое решение, неправильный процессуальный статус, несуществующая связь. Несогласие с оценкой требует иной аргументации: какие сведения учтены, что пропущено, почему вывод не соответствует им или выходит за рамки цели. Такое разделение сохраняет возможность оспаривания и одновременно не превращает право на точность данных в право требовать исключительно благоприятный финансовый профиль.

9. Почему доля закрытых сигналов не измеряет качество системы

Для оценки скрининга принципиально различать долю ложных результатов среди всех сигналов и долю ошибочно отмеченных объектов среди всех объектов, к которым критерий не применим. В первом случае знаменатель составляют срабатывания, во втором - действительно отрицательные случаи. Эти показатели отвечают на разные вопросы. Высокая доля закрытых сигналов может отражать редкость реальных совпадений, широкую поисковую стратегию, низкое качество данных или упрощённое закрытие. Без дополнительных сведений выбрать одно объяснение невозможно.

Условный расчёт показывает значение редкости события. Предположим, среди 100 000 проверяемых записей действительно значимы 10, система обнаруживает 9 из них и ошибочно выделяет 100 остальных. Она формирует 109 сигналов, из которых 100 ложные: около 91,7%. Но доля ложных срабатываний среди 99 990 действительно отрицательных записей составляет около 0,1%. Чувствительность к положительным случаям равна 90%, а доля подтверждённых совпадений среди сигналов - около 8,3%. Все числа условны и не характеризуют реальный рынок.

Из такого примера не следует, что высокая доля ложных сигналов всегда приемлема. Если каждый сигнал автоматически останавливает платёж на несколько дней, небольшой процент от большого потока создаёт значительное число ограничений. Но и простое уменьшение количества сигналов не доказывает улучшения. Система, которая перестала проверять часть списка, покажет более низкую нагрузку и одновременно станет хуже выявлять запрещённые операции. Результат зависит от обеих ошибок: необоснованного ограничения и пропуска значимого совпадения.

Статус закрытого сигнала тоже нуждается в проверке. Закрытие может означать документально подтверждённое различие лиц, устранение дубликата, изменение применимого режима, техническое объединение обращений или вывод сотрудника при неполных данных. Объединение этих причин в одну категорию делает статистику малоинформативной. Особенно опасно обучать последующие модели на таком массиве как на бесспорной истине: организационная практика закрытия начинает воспроизводиться в качестве критерия правильности.

Содержательная оценка поэтому включает состав проверяемой совокупности, полноту списков, причины сигналов, время разрешения, повторные ограничения после исправления и выборочную проверку пропущенных случаев. Это аналитические измерения качества, а не универсально установленные законом нормативы. Надзорные наблюдения ФСА подтверждают значение калибровки и ресурсов, но не устанавливают единого допустимого процента false positives для всех организаций. [3; 4]

10. Калибровка, тестирование и пределы автоматизации

Настройка порога сходства распределяет ошибки, но не устраняет необходимость юридического анализа. Один и тот же порог может работать по-разному для коротких и длинных имён, разных алфавитов и неполных записей. Системе, получающей только имя и страну, недоступна та степень различия, которую обеспечивает проверенная дата рождения и документ. Поэтому утверждение о высокой точности модели без описания входных данных имеет ограниченную ценность: оно может относиться к условиям, отсутствующим в реальном платёжном потоке.

Тестирование на заранее известных совпадениях выявляет способность обнаружить определённые варианты. Оно не доказывает качество во всех языках и ситуациях. Отдельного внимания требуют ложные кандидаты, неполные записи и реальные преобразования сообщения при передаче. Если тестовый набор повторяет данные, на которых систему настраивали, оценка может отражать запоминание набора, а не устойчивость к новым случаям. Это методологический риск, а не установленный факт о каком-либо коммерческом поставщике.

В руководстве ЕВА для PSP и CASP калибровка связана с оценкой подверженности ограничительным мерам и регулярным тестированием. Обоснование настройки должно быть документировано. Надзорный смысл такого подхода состоит в возможности объяснить параметры и их ограничения, а не в предъявлении единственного сертификата точности. При изменении клиентской базы, состава списка или характера операций прежняя настройка может требовать переоценки. [1, пункты 24-25]

Автоматизация повторяющихся ложных совпадений может снизить ненужную нагрузку, но создаёт собственный риск. Внутреннее исключение, действовавшее для одного клиента и одной записи, не должно превращаться в бессрочное освобождение всех носителей имени от контроля. ЕВА допускает внутренний список для предотвращения повторных ложных сигналов при документировании причин и пересмотре после изменения ограничительной меры или клиентских данных. Это управляемое исключение из повторного сигнала, а не отмена применимых санкций. [1, пункт 13]

Значение имеют и полномочия людей, работающих с системой. Аналитик, который видит лишь балл и обязан следовать предустановленной инструкции без права оценить документы, обеспечивает иной уровень контроля, чем сотрудник с доступом к исходным сведениям и возможностью изменить решение. Формальное присутствие человека не гарантирует содержательной проверки. Вместе с тем передача решения человеку сама по себе не гарантирует правильность: он может перепутать юрисдикции, неверно прочитать обновление или закрыть сигнал без достаточного основания.

11. Мгновенные переводы в ЕС: специальная модель проверки

Для мгновенных кредитовых переводов в евро европейский законодатель установил специальную конструкцию. Регламент 2024/886 добавил статью 5d в Регламент 260/2012. Поставщики, предлагающие такие переводы, проверяют своих пользователей на предмет целевых финансовых ограничительных мер при вступлении новых мер или изменений в силу и не реже одного раза в календарный день. Срок исполнения этой статьи установлен к 9 января 2025 года. На дату настоящего исследования это уже действующее требование, а не планируемая реформа. [10]

При исполнении соответствующего мгновенного перевода поставщики плательщика и получателя не должны дополнительно проводить предусмотренную статьёй 5d проверку этих участников в отношении тех же целевых мер сверх проверки пользовательской базы. Такая модель переносит конкретный вид контроля с каждой операции на регулярно актуализируемый статус пользователя. В правовом смысле это не отсутствие санкционного контроля, а иной способ его организации, прямо предусмотренный законодательством. [10, статья 1(2), новая статья 5d(1)-(2)]

Исключения из этого правила определяют его границы. Статья сохраняет действия по соблюдению иных ограничительных мер, мер, не принятых по статье 215 ДФЕС, и требований противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма. Поэтому её нельзя пересказывать как запрет любой проверки мгновенного платежа или как освобождение получателя от AML-контроля. Нельзя также переносить её автоматически на обычные международные переводы или все операции с криптоактивами.

Для темы ложных совпадений значение нормы состоит в том, что законодатель различает контроль лица и повторный контроль каждой операции. Технически возможная проверка не всегда является юридически предписанной именно на выбранном этапе. Повторное сравнение одинаковых данных способно воспроизводить уже разрешённую неопределённость, не добавляя новых сведений. Но обоснованность конкретного ограничения зависит от того, к какому из сохраняющихся оснований оно относится и какие данные действительно проверялись.

Эта конструкция показывает предел универсальных рассуждений о «максимально строгом скрининге». Интенсивность контроля не может оцениваться отдельно от его нормативного устройства. Проверка пользовательской базы, актуальность статуса, иные санкционные запреты и AML-анализ должны оставаться различимыми. В споре недостаточно установить, что операция была мгновенной: необходимо определить вид перевода, участвующих поставщиков, проверяемую меру и фактическую причину задержки.

12. Последствия ошибки: от задержки до устойчивого исключения

Непосредственное последствие сигнала может ограничиваться краткой задержкой, но не всегда остаётся таким. Повторяющиеся ограничения затрагивают оплату жилья, заработной платы, лечения, налогов и исполнения договоров. Для бизнеса задержка одного платежа способна нарушить цепочку поставок или расчёт с работниками. Эти категории последствий описывают возможный механизм ущерба; доклад не утверждает их частоту и не приписывает конкретному поставщику без доказательств.

Особое значение имеет накопление последствий. Первоначальное совпадение может сохраниться во внутреннем профиле как повышенный риск, затем повлиять на лимит, необходимость дополнительных согласований или последующий отказ. В такой ситуации освобождение одного перевода не обязательно восстанавливает положение клиента. Аналитически требуется отличать снятие текущей операционной задержки от устранения информационного основания, способного вызвать новую. Это различие объясняет, почему единичная положительная развязка не всегда закрывает спор.

Другая проблема - несоответствие масштаба ограничения объёму сомнения. Неясность относительно одного участника конкретного платежа может привести к остановке всех операций клиента. Иногда для этого существует самостоятельное правовое основание; иногда расширение связано с настройкой системы или внутренним процессом. Нельзя признать его оправданным либо неправомерным только по факту исходного сигнала. Необходима отдельная связь между выявленной неопределённостью и каждой ограниченной услугой.

Временная блокировка и замораживание активов также не равнозначны. Санкционное замораживание следует из применимого запрета и имеет определённые юридические последствия. Техническое удержание до проверки является иной ситуацией, даже если клиент практически не может использовать деньги в обоих случаях. Уточнение квалификации влияет на компетентный орган, возможное разрешение и способ защиты. Лицензия на действие, запрещённое санкциями, не предназначена для устранения простой ошибки в личности несанкционного клиента. [2, раздел 3]

Наконец, последствия несёт сама организация. Большой поток неразрешённых сигналов поглощает ресурсы, усложняет приоритизацию и способен задержать обработку действительно значимых случаев. Такая связь отмечалась FCA в материалах 2023 года. Поэтому уменьшение необоснованных ограничений и устойчивость санкционного контроля могут быть совместимыми целями: точная идентификация освобождает ресурс для случаев, в которых риск сохраняется. Это не основание снижать требования, а основание оценивать качество процесса целиком. [3]

13. Решение по ING: пропорциональность и косвенная дискриминация

В заключении № 2024-63 от 25 июля 2024 года нидерландский College voor de Rechten van de Mens рассмотрел жалобу на блокировку перевода и дополнительные проверки ING Bank N.V. Поводом стало частичное совпадение имени в назначении платежа с санкционными записями. Орган не установил прямой отбор по расе, но признал косвенное различие в обращении и отсутствие достаточного объективного оправдания конкретной практики. Это заключение национального органа по равенству, а не судебный приговор или решение о штрафе. [6, пункты 6.8-6.24]

Коллегия признала легитимность санкционной цели и пригодность скрининга для её достижения. Однако этого оказалось недостаточно для подтверждения пропорциональности. В оценке учитывались последствия ошибочных ограничений, отсутствие своевременного объяснения и длительное сохранение блокировки. Тем самым источник показывает необходимость оценивать не только поисковый механизм, но и обращение с человеком после появления сигнала. Он не устанавливает общего запрета на автоматизированную проверку имён. [6, пункты 6.14-6.23]

Аналитическое значение дела состоит в разграничении намерения и эффекта. Нейтральное описание алгоритма не исключает неравномерного воздействия на разные группы. При этом из самого неравномерного воздействия ещё не следует вывод о незаконности: правовая оценка включает применимый критерий, сравнимые обстоятельства, цель и оправданность средства. Этот анализ отличается от поиска субъективного намерения сотрудника дискриминировать клиента и требует иных доказательств.

Важно также не переносить выводы органа на неизвестные обстоятельства других банков. Дело не даёт количественной оценки всех санкционных ошибок в Нидерландах или ЕС. Не устанавливает оно и того, что всякий запрос о третьем лице из назначения платежа чрезмерен. Его значение более узкое и более проверяемое: ссылку на обязательность санкционного контроля можно сопоставить с фактической организацией разрешения ошибочных сигналов и последствиями для затронутого клиента.

В контексте настоящего доклада это означает, что точность и равное обращение пересекаются, но не совпадают. Исправление конкретного имени может устранить индивидуальную ошибку, сохранив системную практику длительных повторных блокировок. И наоборот, более ясная коммуникация не исправляет неправильное тождество лиц. Полный анализ затрагивает и качество данных, и порядок решения, и распределение неблагоприятных последствий, не смешивая эти основания в единое обвинение.

14. Bank of Scotland: контраргумент против чрезмерного ослабления проверки

Официальное уведомление OFSI, опубликованное 26 января 2026 года, описывает штраф Bank of Scotland PLC в размере 160 000 фунтов стерлингов, наложенный 10 ноября 2025 года. В феврале 2023 года банк обработал 24 платежа на общую сумму 77 383,39 фунта по счёту санкционного лица. Автоматический контроль не выявил вариант написания имени. Позднее при ручной проверке исключение лица из списка ЕС ошибочно истолковали как исключение также из британского списка. [5, пункты 1-7 и 15-20]

Это пример пропущенного совпадения и последующей человеческой ошибки, а не ложноположительного срабатывания. Его включение необходимо для проверки противоположного риска. Сокращение числа сигналов само по себе не является доказательством качественного контроля. Система может выдавать меньше сигналов именно потому, что не распознаёт юридически значимые варианты. В данном материале особенно важна комбинация технической проблемы и неверной правовой интерпретации после получения дополнительных сведений.

OFSI не устанавливает в уведомлении универсальную обязанность покупать коммерческий санкционный список. Орган рассматривает достаточное обогащение проверки релевантной доступной информацией с учётом риска. Это различие препятствует ещё одному необоснованному выводу: сам по себе договор с известным поставщиком не гарантирует надлежащего контроля, а отсутствие такого договора не доказывает нарушение. Значение имеют доступная информация, устройство системы и её использование. [5, пункты 18 и 28]

Дело показывает также предел переноса решений между правовыми режимами. Даже корректное сообщение об исключении из одного списка нуждается в установлении его охвата. Если банковская инструкция превращает такую запись в общее разрешение всех операций, ошибка возникает на этапе квалификации. Поставщик источника мог правильно передать факт, тогда как последующее решение оказалось неверным. Поэтому распределение ответственности невозможно без восстановления того, кто сформировал запись, кто её истолковал и кто разрешил действие.

Наличие человека в процессе не устранило риск. Из этого не следует, что ручная проверка бесполезна; следует лишь, что её качество определяется компетенцией, доступом к источникам, порядком эскалации и корректным пониманием полномочий. Аналитическая модель, ориентированная исключительно на освобождение ошибочно затронутых клиентов, была бы неполной без этого контраргумента. Точность требует обоснованно различать и ложный сигнал, и действительное ограничение, даже когда оба связаны с похожим написанием имени.

15. Коммерческая база и банк: распределение ролей

Поставщик screening information может выполнять несколько функций: собирать первичные сведения, объединять записи, присваивать категории, рассчитывать совпадение, предоставлять интерфейс или проводить проверку по поручению клиента. Юридическая роль определяется реальным участием в выборе целей и средств обработки, а не только названием договора. В ЕС определения контролёра и обработчика закреплены статьёй 4 GDPR. Одна компания может выступать в разных ролях для разных операций обработки. [7]

Если поставщик самостоятельно определяет состав коммерческой базы, источники и правила включения профилей, возникает вопрос о его самостоятельных обязанностях контролёра. Если он лишь выполняет определённые банком операции с переданным массивом, возможна роль обработчика. Совместное определение целей и средств может потребовать анализа совместного контроля. Но простой обмен информацией или покупка доступа к базе не доказывают совместный контроль автоматически. Каждый этап требует отдельной квалификации. [7, статьи 4, 26 и 28]

Банк, использующий сведения при обслуживании клиента, обычно определяет собственную цель проверки и принимает собственное решение о продукте или операции. Поэтому сообщение поставщика о потенциальном совпадении и банковская блокировка не являются одним и тем же действием. Ошибка может возникнуть в исходном профиле, настройке сопоставления или интерпретации результата. В каждом варианте различаются доказательства, доступные исправления и основания возможной ответственности.

Европейское руководство по ограничительным мерам сохраняет конечную ответственность PSP и CASP за соблюдение соответствующих обязанностей при аутсорсинге. Оно также предусматривает распределение прав и обязанностей в письменной форме и контроль качества внешней услуги. Эти положения не решают автоматически гражданский спор между поставщиком и клиентом банка, но препятствуют представлению аутсорсинга как полного освобождения финансовой организации от контроля. [1, пункты 26-30]

Для затронутого лица такое распределение означает наличие нескольких возможных адресатов требований с различным предметом. У поставщика оспаривается запись и её распространение; у банка - собственные данные, связь с профилем и последствия решения. Один адресат может не иметь полномочий изменить действия другого. Это не повод отказаться от исправления, но важное ограничение ожидаемого результата: удалённый профиль не является приказом всем банкам возобновить обслуживание, а освобождённый платёж не обязательно исправляет внешнюю базу.

16. Точность, минимизация и правомерное основание обработки

В ЕС принцип точности требует, чтобы персональные данные были точными и при необходимости обновлялись, а разумные меры обеспечивали исправление или удаление неточностей без задержки с учётом целей обработки. Для скрининга цель имеет практическое значение. Историческая запись о прежнем включении может быть точной для описания прошлого и вводящей в заблуждение при обозначении текущего запрета. Следовательно, проверяется не только буквальная достоверность фрагмента, но и то, как он представлен и используется. [7, статья 5(1)(d)]

Полнота также относительна к цели. Профиль, сообщающий об обвинении, но опускающий известный оправдательный исход, способен исказить положение человека. Вместе с тем из права на точность не следует обязанность включать любую благоприятную характеристику или переписывать весь исторический архив. Вопрос состоит в существенности пропущенного обстоятельства для смысла распространяемой записи. Именно поэтому дата события, процессуальный статус и дата обновления имеют значение для проверки правомерности профиля.

Минимизация данных не равнозначна работе только с именем. В некоторых ситуациях дополнительный идентификатор позволяет исключить ошибочное совпадение и уменьшить вмешательство. Но сбор полного семейного и профессионального досье ради разрешения простого несовпадения может выходить за необходимый объём. Баланс определяется конкретной целью и релевантностью сведений, а не абстрактным правилом «чем больше информации, тем безопаснее». Дополнительные данные сами создают обязанности по точности, защите и ограничению хранения. [7, статья 5]

Правовое основание банка не переносится автоматически на любого поставщика. Обязанность финансовой организации соблюдать AML-законодательство ещё не отвечает на вопрос, почему самостоятельная коммерческая база вправе собирать конкретные сведения, хранить их определённый срок и передавать конкретному кругу клиентов. Для каждой обработки требуется применимое основание, а для специальных категорий и уголовных сведений - дополнительные условия. Публичная доступность источника и платный доступ к продукту этого анализа не заменяют. [7, статьи 6, 9-10]

Персональные данные относятся к идентифицированному или идентифицируемому физическому лицу. Информация исключительно о юридическом лице не получает весь набор прав GDPR только потому, что используется в скрининге. Однако корпоративный профиль может одновременно содержать персональные данные директора, бенефициара или индивидуального предпринимателя. Тогда требуется разделить, чьи сведения обрабатываются и кто заявляет соответствующее право. Ошибка в этой квалификации способна привести к предъявлению правильного по существу требования по неподходящему правовому основанию.

17. Исправление, удаление и ограничение обработки

Статья 16 GDPR предоставляет субъекту право на исправление неточных данных без неоправданной задержки и, с учётом целей обработки, на дополнение неполных данных. Для ошибочного совпадения предметом исправления может быть не сама санкционная запись, а её связь с человеком. Если официальный список верно описывает другое лицо, удаление этой записи из всей базы не требуется. Требуется устранить неверное отнесение и его последствия в тех системах, где такая связь была установлена. [7]

Право на удаление имеет иные условия и исключения. Оно может возникнуть, например, при отпадении необходимости обработки или её неправомерности, но не отменяет законную обязанность хранения. Банку может потребоваться сохранить историю рассмотрения операции и доказательства того, почему сигнал был исключён. Корректное хранение истории не равно сохранению действующего неблагоприятного статуса. Смешение этих двух функций создаёт ложную альтернативу между полным уничтожением документации и бессрочным продолжением ограничения. [7, статья 17; 15, статья 40]

При оспаривании точности статья 18 GDPR предусматривает ограничение обработки на период, позволяющий контролёру проверить данные. Это самостоятельный инструмент: запись может сохраняться, но её использование ограничивается в установленном объёме и с предусмотренными исключениями. Ограничение обработки персональных данных не тождественно банковскому замораживанию средств. Оно также не является автоматическим разрешением спорной операции: санкционная или иная обязательная мера может иметь независимое основание. [7, статья 18]

Общий срок ответа по GDPR определяется статьёй 12: без неоправданной задержки и, как правило, в течение одного месяца, с возможным продлением при установленных условиях и уведомлении. Этот срок нельзя описывать как разрешение целый месяц продолжать уже установленную ошибочную классификацию. Необходимо отличать срок процессуального ответа от обязанности своевременно исправлять выявленную неточность и от сроков банковской жалобы, предусмотренных иной правовой рамкой. [7, статьи 12 и 16]

Содержание требования зависит от характера ошибки. При неверной личности релевантны идентификаторы; при устаревшем статусе - последующий официальный акт; при смешении юрисдикций - точный охват исключения; при неверной роли в деле - процессуальный документ. Заявление «я не нахожусь под санкциями» без указания спорной записи может быть недостаточным, но и требование доказать отсутствие всех возможных рисков не соответствует конкретному предмету исправления. Аналитически сильная процедура связывает оспариваемое утверждение с проверяемым фактом и определённым результатом.

18. Распространение исправления и остаточные записи

Исправление в одной точке информационной цепочки не гарантирует изменения всех копий. Данные могут находиться у поставщика, банка, посредника, в локальном архиве, выгрузке или отдельном сервисе сопоставления. Технически обновление источника и пересчёт клиентского результата являются разными операциями. Если система хранит прежнее решение независимо от профиля, новая версия базы может не повлиять на действующее ограничение. Это возможный механизм сохранения ошибки, который требует проверки по конкретным журналам.

Статья 19 GDPR предусматривает сообщение каждому получателю, которому были раскрыты данные, об исправлении, удалении или ограничении обработки, кроме случаев невозможности или несоразмерных усилий. По запросу субъекту сообщают о таких получателях. Эта норма важна для коммерческих баз, поскольку исправление предназначено не только для обновления собственного интерфейса. Однако она не создаёт неограниченную обязанность найти все неизвестные копии во всём мире и не отменяет предусмотренные законом ограничения прав. [7]

Получатель информации остаётся участником отдельной обработки. После уведомления значение имеют его собственная цель, основание и то, какие решения опирались на неверную запись. Банк может сохранить архивное доказательство ранее проведённой проверки, но должен отличать его от актуальной оценки клиента. Если он продолжает ограничение по иной причине, вопрос заключается в самостоятельности этой причины, а не в возможности вновь сослаться на уже опровергнутый факт.

Для оценки устранения ошибки важна последовательность событий: когда первоисточник изменился, когда поставщик получил изменение, когда обновил профиль, когда уведомил получателей и когда банк пересмотрел собственное решение. Задержка между этапами может объяснить повторную блокировку без предположения о намеренном нарушении. Но после установления причин именно эта последовательность позволяет определить, на каком этапе возникла проблема и чьи обязанности могли быть неисполнены.

Нельзя требовать от поставщика обещания, что ни одна финансовая организация никогда больше не сформирует сигнал. Новое совпадение может быть вызвано другими данными, новой мерой или независимой проверкой. Предмет контроля уже: правильно ли передано исправление, устранена ли ошибочная связь и не воспроизводится ли старый вывод под видом нового. Такое разграничение делает результат проверяемым и не подменяет право на точные данные гарантией беспрепятственного обслуживания во всех учреждениях.

19. Объяснение автоматизированного решения и человеческий пересмотр

В ЕС статья 22 GDPR относится к решениям, основанным исключительно на автоматизированной обработке и вызывающим юридические либо сопоставимо значимые последствия для человека. Не всякий поиск имени или расчёт сходства сам по себе отвечает этим условиям. Но если результат без содержательной оценки определяет существенный отказ или ограничение, вопрос о применимости статьи возникает. Необходимо исследовать реальный процесс, а не только формальное наличие сотрудника в организационной схеме. [7]

Содержание права на информацию раскрыто Судом ЕС в решении *Dun & Bradstreet Austria*, C-203/22, от 27 февраля 2025 года. Дело касалось кредитного профилирования, а не санкционного скрининга. Суд истолковал статью 15(1)(h) в контексте автоматизированных решений: информация должна позволять понять реально применённую процедуру и принципы получения результата. Простое предъявление сложной формулы не обязательно обеспечивает такое понимание. [8, пункты 38-61]

Для скрининга это имеет значение как правовой ориентир при выполнении условий соответствующих норм. Объяснение может затрагивать использованные персональные данные, их значение для результата и роль внешнего профиля. Из решения не следует безусловное право любого клиента получить исходный код, все параметры защиты или коммерческую базу целиком. Суд также рассматривает баланс с коммерческой тайной и правами третьих лиц через компетентный орган или суд, а не как основание для общего отказа в доступе. [8]

При этом понятное описание алгоритма ещё не заменяет пересмотр фактической ошибки. Человек может узнать, что система сопоставляет дату рождения и имя, но спорить с принадлежностью использованного профиля. Или исходные данные могут быть верны, а спор касаться непропорционального результата. В первом случае центральны исправление и повторная оценка; во втором - правовое основание решения и применимые гарантии. Объяснимость полезна постольку, поскольку позволяет определить и проверить конкретный предмет разногласия.

Выводы о статье 22 GDPR и указанном решении Суда ЕС в настоящем разделе относятся к праву ЕС. Их нельзя автоматически переносить на британский режим автоматизированных решений. Британская часть доклада ограничена отдельно проверенными правилами финансового контроля, точности, исправления и исключений из прав на данные. Такое разделение исключает ошибочное предположение, что одинаковая терминология GDPR означает полную идентичность действующих правил двух юрисдикций.

20. Конфиденциальность, AML и пределы раскрытия

Финансовая организация не всегда вправе раскрыть клиенту все обстоятельства проверки. Запреты на раскрытие сведений о сообщениях финансовой разведке и расследованиях защищают самостоятельные публичные интересы. В ЕС соответствующая рамка содержится, в частности, в статье 39 Директивы 2015/849 и национальных актах. В Великобритании regulation 28 MLR прямо учитывает ситуации, когда продолжение обычной проверки клиента может привести к запрещённому раскрытию. [12, пункты 14-15; 15]

Однако конфиденциальность определённого материала не означает, что любые данные в комплаенс-профиле автоматически исключены из режима точности. Внутренне организация по-прежнему должна различать клиента и однофамильца, прошлый и действующий статус, сообщение о подозрении и установленный факт. Возможность сообщить результат субъекту и обязанность корректно обрабатывать сведения - связанные, но разные вопросы. Обоснованное ограничение доступа не превращает недостоверную запись в достоверную.

В ЕС ограничения прав по статье 23 GDPR требуют законодательного основания и соблюдения предусмотренных условий. В Великобритании Schedule 2 Data Protection Act 2018 содержит, среди прочего, исключения, связанные с предупреждением и выявлением преступлений. Их применение зависит от конкретных положений и того, насколько предоставление права способно повредить защищаемой цели. Ссылка на преступность или AML как на общую тему обработки недостаточна для вывода об отмене всех прав субъекта. [7; 14]

Внешнее объяснение может быть более ограниченным, чем внутренняя мотивировка. Это не означает отсутствия проверяемого основания для решения. При споре компетентный орган или суд может оценивать документы в рамках своих полномочий и процессуальных правил. Доклад не предполагает существования единого механизма закрытого доступа для всех видов жалоб; конкретные возможности зависят от юрисдикции и процедуры. Но отсутствие полного объяснения клиенту само по себе не доказывает ни правомерность, ни неправомерность ограничения.

Для анализа важен объём фактически заявленного отказа. Не раскрыть факт сообщения о подозрении и отказаться проверить ошибочную дату рождения - разные действия. Нередко разграничение позволяет установить, какие сведения действительно защищены, а какие относятся к обычной идентификации. Вместе с тем такое разграничение не даёт клиенту права обходить запрет посредством серии косвенных запросов. Оценка должна сохранять обе цели: эффективное расследование и отсутствие неоправданного использования неверных персональных данных.

21. Потенциальная ответственность поставщика информации

Ответственность поставщика нельзя вывести только из того, что его продукт участвовал в проверке. Необходимо определить действие или бездействие: ошибочное объединение профилей, обновление статуса, передача недостоверной категории, игнорирование обоснованного требования об исправлении либо иной конкретный дефект. Затем устанавливаются применимые обязанности и связь с неблагоприятным последствием. Технический поставщик, самостоятельный контролёр базы и консультант, готовивший заключение, могут отвечать по разным основаниям.

Статья 82 GDPR различает ответственность контролёра и обработчика. Контролёр, участвующий в обработке, отвечает за ущерб от обработки с нарушением регламента; для обработчика предусмотрены специальные условия, связанные с его обязанностями или выходом за законные инструкции. Возможны освобождение при доказанном отсутствии ответственности за вызвавшее ущерб событие, ответственность нескольких участников и последующее распределение между ними в предусмотренных статьёй случаях. Это не автоматическая солидарная ответственность всех компаний, когда-либо соприкасавшихся с записью. [7, статья 82]

В решении *Österreichische Post*, C-300/21, от 4 мая 2023 года Суд ЕС связал компенсацию с совокупностью нарушения, материального или нематериального ущерба и причинной связи. Самого нарушения недостаточно. Одновременно компенсация нематериального вреда не может зависеть от достижения отдельного порога серьёзности. Решение касается толкования GDPR и не устанавливает фиксированную сумму за ложный санкционный сигнал. [9]

В банковском контексте причинная связь требует особенно внимательного рассмотрения. Если банк отказал бы и без спорной записи по самостоятельному законному основанию, связь между ошибкой поставщика и всем заявленным убытком может быть спорной. Если же профиль был решающим фактором, значение получают журналы обращений, версия данных и мотивировка. Возможна и совокупность причин: неверная информация, непроверенное решение банка и задержка последующего исправления. Их разграничение не решается одной общей ссылкой на алгоритм.

Договорная ответственность поставщика перед банком отличается от требований субъекта данных. Условия качества, периодичность обновлений, ограничения ответственности и регресс могут определяться договором и применимым национальным правом. Клиент банка не обязательно является стороной этого договора. Аналогично административный штраф, гражданская компенсация и предписание об исправлении являются разными последствиями. Наличие одного не позволяет без отдельного основания обещать другое, а устранение записи не обязательно прекращает спор об уже причинённом ущербе.

22. Положение клиента и разграничение способов защиты

Способ защиты зависит от того, что оспаривается. При ошибочной личности предметом становится связь клиента с конкретным профилем. При действующем включении самого лица в санкционный список спор относится к правомерности обозначения, лицензии или исключению, а не к обычному исправлению чужой записи. При отказе банка после устранения совпадения необходимо выяснить самостоятельное основание отказа. Эти процедуры могут соприкасаться, но не являются взаимозаменяемыми.

В ЕС GDPR предусматривает жалобу надзорному органу, судебную защиту и при соответствующих условиях компенсацию. Надзорный орган по данным оценивает обработку в пределах своих полномочий; он не заменяет орган, уполномоченный изменять санкционный акт, и не разрешает автоматически все договорные споры с банком. Финансовый надзор, омбудсмен или суд могут рассматривать иные элементы отношений в зависимости от национальной системы и допустимости обращения. [7, статьи 77-82]

В Великобритании право на исправление неточных персональных данных закреплено отдельно в UK GDPR. Его наличие не зависит от того, является ли поставщик банком, однако применимость режима и роль адресата должны быть установлены. Ограничения прав анализируются по британскому законодательству. Рассмотренные европейские решения по GDPR могут объяснять происхождение правовых вопросов, но не подменяют проверку действующей британской нормы и правил её судебного применения. [13; 14]

Для оценки конкретного спора центрально восстановление решения во времени. Какие данные имелись при сигнале? Что изменилось после объяснения клиента? Когда адресат получил подтверждение ошибки? Какой результат сохранялся затем? Такая последовательность отделяет первоначально оправданную осторожность от последующего бездействия и позволяет проверить, было ли ограничение связано именно с оспариваемой записью. Без неё легко приписать поставщику последствия, вызванные отдельным решением посредника или иным правовым запретом.

Практическая достижимость защиты имеет значение наряду с формальным существованием права. Если субъекту неизвестны запись, поставщик и фактический адресат решения, ему сложно определить предмет требования. Но эта информационная асимметрия не доказывает автоматически нарушение конкретного лица. Она объясняет значение прослеживаемости источников, понятного разграничения ролей и документирования исправлений для реальной проверяемости всей процедуры. Исследовательский вывод касается устройства гарантий, а не обещания одинакового исхода каждой жалобы.

23. Контраргументы и альтернативные объяснения

Первый существенный контраргумент состоит в том, что санкционный контроль должен предотвращать операцию до того, как средства окажутся недоступны для ограничения. Ожидание окончательного судебного подтверждения личности во всех случаях сделало бы такой контроль неэффективным. Поэтому предварительное приостановление и дополнительная проверка могут иметь законное основание. Критика ложных сигналов должна учитывать эту функцию и исследовать достаточность фактических оснований, скорость анализа и дальнейшее изменение ситуации, а не отрицать превентивный характер контроля.

Второй контраргумент связан с неполнотой официальных идентификаторов. Финансовая организация не всегда располагает данными, позволяющими быстро исключить тождество. Это может объяснять запрос дополнительных сведений и сохранение неопределённости. Но отсутствие данных не равно положительному доказательству совпадения. Существенны характер недостающего признака, противоречащая информация и возможность разумного уточнения. Не всякий нерешённый случай является ошибкой; не всякое бессрочное ожидание становится оправданным оттого, что дело когда-то было неясным.

Третий контраргумент - самостоятельное управление риском банком. Даже после исправления базы могут сохраняться иные законные причины для ограничения определённого продукта. Соответственно, успешное оспаривание записи не доказывает право на любую услугу. Вместе с тем коммерческий выбор и обязательный запрет имеют разные основания. Если решение в действительности основано на политике риска, его описание как неизбежного требования санкционного закона может исказить предмет спора. Проверка должна устанавливать реальную причину, не предполагая её заранее.

Четвёртый контраргумент касается конфиденциальности и угрозы обхода. Полное раскрытие всех параметров проверки способно снизить её эффективность, а отдельные сведения защищены законом. Но из этого не следует невозможность внутренней проверки, исправления фактических ошибок или контроля компетентным органом. Подход, связывающий любую гарантию с публикацией всех защитных механизмов, создаёт ложную альтернативу. Возможность раскрытия оценивается отдельно от возможности исправить и обосновать решение.

Наконец, неблагоприятный исход может иметь несколько независимых причин. Остановка перевода корреспондентом, сбой реквизитов, недостаточность документов или иной запрет способны совпасть во времени с появлением внешнего профиля. Корреляция не доказывает причинность. В отсутствие журналов и решений окончательный вывод о виновном участнике был бы преждевременным. Поэтому доклад формулирует проверяемые критерии квалификации и ответственности, сохраняя открытым исход индивидуального спора до установления фактов.

24. Итоговая оценка

Ложноположительные результаты представляют собой не один технический дефект, а несколько юридически различных ситуаций. Ошибочная идентификация, устаревший статус, смешение юрисдикций, неверный контекст операции и сохранение уже опровергнутого ограничения требуют разных доказательств и исправлений. Общий ярлык *false positive* полезен для обозначения проблемы, но недостаточен для правовой квалификации. Исследование конкретного случая начинается с точного определения утверждения, которое оказалось неверным, и действия, которое на нём основано.

Первичные источники подтверждают необходимость различать сигнал и подтверждённое совпадение, поддерживать актуальность данных и содержательно исследовать результаты. Одновременно они сохраняют обязанность предотвратить действительное нарушение. Европейская модель мгновенных переводов и британская практика показывают, что способы организации контроля зависят от конкретной правовой конструкции. Универсальная формула «больше проверок означает лучшее соблюдение» не отражает этих различий; столь же неполна формула «меньше сигналов означает меньше ошибок».

Для персональных данных в ЕС исправление охватывает не только неверный исходный факт, но и его использование в конкретном профиле. Уведомление получателей и пересмотр зависимых решений связывают информационный и операционный уровни. Но эти уровни не сливаются: право на корректную запись не равно безусловному праву на финансовый продукт, а законное хранение истории не разрешает представлять отменённый статус как действующий. Британская рамка требует отдельного анализа национальных норм при сохранении того же фактического различия между данными и решением.

Потенциальная ответственность поставщика информации определяется его ролью и конкретным нарушением, а ответственность банка - собственными обязанностями и использованием результата. Причинная связь и ущерб не предполагаются из самого наличия сигнала. Надзорные материалы и судебная практика позволяют выстроить такую схему оценки, но не дают основания обещать автоматическую компенсацию или назвать виновного участника без документов. Чёткое разграничение полномочий повышает проверяемость требований обеих сторон.

Открытая доказательная база не позволяет установить единую частоту ошибок по всему рынку. Она позволяет сделать более ограниченный, но устойчивый вывод: качество скрининга определяется способностью своевременно различить действительное ограничение и необоснованное совпадение, сохранить точность этой квалификации при изменении сведений и обеспечить исправление последствий. Именно эта связь между данными, правовой нормой и конкретным решением определяет, остаётся ли автоматизация инструментом контроля или превращает предварительное предположение в устойчивое препятствие для законной финансовой деятельности.

25. Источники

[1] European Banking Authority. Final Report: Guidelines on internal policies, procedures and controls to ensure the implementation of Union and national restrictive measures. EBA/GL/2024/14 и EBA/GL/2024/15, 14 ноября 2024 года. Применение с 30 декабря 2025 года. В частности EBA/GL/2024/15, пункты 9, 13, 17-35, 43, 47-49.

Официальная копия Financial Market Authority Austria.

[EBA / FMA - руководства 2024/14 и 2024/15](#)

[2] Office of Financial Sanctions Implementation. UK financial sanctions general guidance. Разделы 1-3: применимость, name match и target match, замораживание, владение и контроль.

[OFSI - общее руководство](#)

[3] Financial Conduct Authority. Sanctions systems and controls: firms' response to increased sanctions due to Russia's invasion of Ukraine. 6 сентября 2023 года; обновление 20 марта 2024 года. Разделы о ресурсах, калибровке и проверке клиентов.

[FCA - обзор 2023 года](#)

[4] Financial Conduct Authority. Sanctions systems and controls in our firms: our findings. 28 мая 2026 года. В частности разделы 6.3, 6.5-6.10.

[FCA - обзор 2026 года](#)

[5] Office of Financial Sanctions Implementation. Imposition of Monetary Penalty - Bank of Scotland PLC. Решение о штрафе от 10 ноября 2025 года; публикация 26 января 2026 года. Пункты 1-7, 15-20, 28-29.

[OFSI - Bank of Scotland](#)

[6] College voor de Rechten van de Mens. ING discrimineert een man op grond van ras, door zijn betaling te blokkeren en controleren. Заключение № 2024-63, 25 июля 2024 года. В частности пункты 6.8-6.24; нидерландский оригинал.

[College - заключение 2024-63](#)

[7] Регламент (ЕС) 2016/679 от 27 апреля 2016 года (GDPR). OJ L 119, 4 мая 2016 года. Статьи 4-6, 9-10, 12, 15-19, 22-24, 26, 28, 77-82.

[EUR-Lex - GDPR](#)

[8] Суд ЕС. Dun & Bradstreet Austria, C-203/22, решение от 27 февраля 2025 года, ECLI:EU:C:2025:117. Пункты 38-76 и резолютивная часть.

[CURIA - C-203/22](#)

[9] Суд ЕС. Österreichische Post, C-300/21, решение от 4 мая 2023 года, ECLI:EU:C:2023:370. Статья 82 GDPR: нарушение, ущерб и причинная связь; отсутствие порога серьезности нематериального вреда. Пункты 32-42, 45-51 и резолютивная часть.

[EUR-Lex - C-300/21](#)

[10] Регламент (ЕС) 2024/886 от 13 марта 2024 года об изменениях правил мгновенных кредитовых переводов в евро. Статья 1(2): статья 5d Регламента 260/2012, включая специальный режим проверки, его пределы и срок 9 января 2025 года.

[EUR-Lex - Регламент 2024/886](#)

[11] HM Treasury / OFSI. Financial sanctions targets: list of all asset freeze targets. Официальное уведомление о прекращении обновления OFSI Consolidated List и переходе на UK Sanctions List с 28 января 2026 года.

[GOV.UK - переход на единый список](#)

[12] The Money Laundering, Terrorist Financing and Transfer of Funds (Information on the Payer) Regulations 2017, SI 2017/692. Regulation 28: идентификация, мониторинг и оценка риска; в частности пункты 11-16.

[legislation.gov.uk - Regulation 28](#)

[13] UK General Data Protection Regulation. Article 16: Right to rectification. Британская редакция, официальный текст [legislation.gov.uk](#).

[legislation.gov.uk - UK GDPR, Article 16](#)

[14] Data Protection Act 2018, с.12. Schedule 2, Part 1, paragraphs 1-2: исключения, связанные с преступлениями и налогообложением, и пределы их применения.

[legislation.gov.uk - DPA 2018, Schedule 2](#)

[15] Директива (ЕС) 2015/849 от 20 мая 2015 года. Статьи 13, 33, 39 и 40: проверка клиента, сообщения о подозрениях, ограничения раскрытия и хранение. Консолидированный текст от 30 декабря 2024 года; применяется через национальное законодательство.

[EUR-Lex - Директива 2015/849](#)